

Шаманка. Место рядом со мной

Автор:

Янка Рам

Шаманка. Место рядом со мной

Янка Рам

Он – член криминального синдиката. Принципиально не позволяющий иметь себе слабые стороны – семью, женщину... Столкнувшись с проблемами, он вынужден купить услуги шаманки, что живет где-то на берегу Телецкого. Слухи о ней среди людей ходят разные – что молода и красива, а еще, что нашедшие ее обратно не возвращаются. Но Сергей не верит в слухи, мистику и любовь. А зря... Ведь по закону его мира, он должен будет подчистить за собой, убрав ту, что слишком много теперь знает.

Содержит нецензурную брань

Янка Рам

Шаманка: Место рядом со мной

Глава 1

В лоне мира

Холмы покрыты ельником. Вокруг – все мыслимые и немыслимые оттенки зелёного. И моя голова начинает болеть от него с непривычки. Взвесь дождя... Со стороны реки валом клубится туман. Дорога уходит в белую пелену. Звук

движка начинает вязнуть в этом «молоке».

«Мара... – вспоминаю я. – У неё кордон на Телецком... Знают её там... Найди... Езжай сам...»

Это последние слова отца.

За неделю – отец и младший брат. Заказные. Безосновательно. Отца положили прямо при мне. Умер на руках. Брат – взорвали тачку вместе с умницей женой, которая была его правой рукой. Люди говорят, такого беспредела не было с девяностых. Убрали также несколько приближённых людей. Нашего адвоката и телохранителя отца. И я, очевидно, следующий. На похоронах – покушение. Пуля шоркнула по левому плечу, срезав ткань пиджака. Дождаться следующей не стал, сразу рванул на Алтай, как только уладил все дела с похоронами, и немного отпустил шок.

Я старался особенно не озадачиваться делами отца. Выбрал условную свободу и уступил трон младшему, выполняя только некоторые «технические» поручения, чтобы иметь доступ к бабкам. Теперь остался только я. И надо вникать... Но для начала я должен найти того, кто пытается срезать голову нашей семье.

– Всё, я выспался, рассказывай.

– Марена Богдановна Ярцева.

– Марина, может?

– Написано – Марена.

– Наверное, опечатка. Фото нашёл? Может, аккаунты какие-нибудь?

– Ни-че-го. Нашёл только профиль в налоговой. Там и адрес её базы.

– Платит, значит, налоги, наша шаманка? Уверен, что это она?

– Не уверен. Но на месте и расспросим. Ты же сказал, что её там знают.

– Это отец сказал... Слушай, ну и жопа мира! – оглядываюсь я по сторонам. – Двенадцать часов уже добираемся, как до Австралии.

– Скорее уж лоно, – улыбается Вадик. – Посмотри, как красиво! Алтай... Центр континента!

– Лоно... ну да... сыровато здесь... – закрываю окно тачки.

– Эх, в отпуск бы сюда!

– Какой ещё, к чёрту, отпуск?! Сюда? – скептически осматриваюсь. – Я уж лучше в Черногорию какую-нибудь. На худой случай в Турцию. Быстрее, дешевле и комфортнее.

Опять клонит в сон, хотя я и так проспал всю дорогу. Сначала в самолёте, потом в тачке. До этого – неделя в режиме нон-стоп. И организм, видимо, берёт своё.

– Долго ещё нам пилить?

– Час до Артыбаша, ещё вдоль озера до базы часа полтора.

– Как, говоришь, база её называется?

– «Кеч Бозого»[1 - В переводе с алтайского «переход через порог»].

– Звучит не очень. Что она за человек? Ты погуглил?

– Я думал, ты знаешь.

– Да откуда?

– А откуда ты вообще про неё знаешь?

– Отец, когда умирал, сказал... что она на короткой ноге со смертью. И умеет с ней договариваться. А я хочу отсрочить свою и понять, что происходит, и кто за этим стоит.

– И что, Серый, веришь во всю эту магию?

– Не очень. Но других вариантов не вижу вообще. Заказная пуля вещь такая: если оплачена, то цели достигнет. С другой стороны, многие уважаемые люди не брезгают помощью знающих людей. А вдруг...

– Может, лучше свалить тебе пока?

– Куда? Шарик – форма конечная. В любом цивилизованном месте найдут, если захотят. А в таком вот «лоне мира» я жить не готов.

Достаю планшет, интернет, и правда, не подсказывает ничего о нашей Марине Богдановне. А вот о Маре с Телецкого есть пара ссылок на какие-то закрытые группы и сайты. Пытаюсь зарегистрироваться, добавиться... Но мгновенного одобрения админами не случается.

– Артыбаш! – комментирует Вадик, и я отрываю взгляд от планшета.

Туман рассеялся, и уже спускающееся солнце, выглянувшее из-за туч, режет глаза. Надеваю очки. Перед нами достаточно свежо выглядящее село, раскинувшееся по двум берегам Беи. Много коттеджей. Не бедствует местное население. Хоть и в... лоне мира! Дальше – не вызывающий уныния современный мост.

– «Кеч Бозого» – вдоль реки, уже на самом Телецком. Едем?

– Приличные забегаловки здесь есть?

– Наверняка! Туристическое место.

– Давай поедим где-нибудь. Мяса хочу.

Шашлычок на берегу Беи из отличного мяса. Не хуже, чем в самом лучшем московском ресторане. И я беру себе ещё одну порцию, прямо на шампуре.

– Не дожаривай, я люблю с кровью.

За мангалом местный, пожилой... Похож на монгола.

Шашлычник протягивает мне шампур.

– Слушай, отец, дама есть тут у вас одна. Мара...

На секунду его руки, равномерно вращающие шампуры, застывают. Но уже в следующее мгновение он продолжает свою работу.

– Не слышал.

– Марина Богдановна Ярцева. Так, может?

Он неопределённо пожимает плечами.

Достаю купюру.

– Это память не освежит?

Искоса посматривает на купюру. Складываю её компактнее и кладу ему в нагрудный карман.

– Ну?

– Не Марина она. Марена.

– Ага... Дальше.

– А чего хотел-то?

– Что за человек?

– Да кто ж её знает.

– Говорят, шаманка.

– Говорят... – уклончиво и не глядя в глаза.

– Врут?

– Может, и не врут.

– Часто тут бывает?

– Не бывает она здесь.

– Ты её видел?

– Ни разу. Но иногда про неё спрашивают, вот такие, как ты. Приезжие. Уходят искать... Да чего-то назад не особо возвращаются. А может, и каким другим путём обратно уходят. Кто её знает, куда она людей водит, и зачем они её ищут.

– Ух! Местная страшилка, что ли? – улыбаюсь я. – У неё же база отдыха.

– Есть такое дело. Да только не отдыхает там никто. Зброшено...

– Ясно. Сколько лет вашей Бабе Яге?

– Люди говорят – молодуха. Да только очень давно уже так говорят.

– Да ты прям кот Баюн, отец. Заинтриговал своей сказкой. Это у вас такой бесплатный сервис для туристов – страшные байки травить?

– Ты знаешь что, сынок. Вот когда обратно поедешь, не ленись, заскочи на шашлычок.

– Зачем это?

– А чтобы я знал наверняка – возвращаются или нет, – хитро прищуривается он.

– Заскочу... – хмурюсь я.

Вгрызаясь в уже остывшее мясо, возвращаюсь к Вадику. Он, как сытый кот, довольно откидывается от стола, затягиваясь сигаретой.

– Чего говорят?

– Пугают... Ест, говорят, эта шаманка приезжих, как заправская Баба Яга. Но людям является в образе девушки.

– Может, она им приплачивает за байки? – угорает Вадик.

– Наверняка. Реклама дело окупающееся. Я вот, честно признаюсь, повёлся. Стрёмно как-то даже внутри. Но азартно! Поехали...

Вадик встаёт, пола его пиджака оттопыривается.

– Стволom не свети, – шикаю на него. – А то тоже войдём с тобой в местный фольклор.

Просёлочная дорога укачивает. Второй шашлык явно был лишним.

Отвлекают только роскошные виды озера. Берег усыпан округлыми валунами. Прозрачная вода бьётся прибоем, как на море.

И мы даже пару раз останавливаемся, чтобы размяться, покурить и посмотреть по сторонам. Было бы жарко, залез бы в эту чистейшую, прозрачную воду. Но ветер вдохновляет только поплотнее запахнуть пиджак.

Дорога становится хуже с каждым километром. И как только наша снятая в аренду и не слишком проходимая тачка встаёт в луже грязи, далеко впереди, в гуще листвы, мы видим зелёную крышу.

– По карте должно быть где-то здесь, – заглядывает в навигатор Вадик.

Выходим из тачки, утопая кроссовками в грязи.

– Б*ять... – с отвращением перепрыгиваю через ров в мокрую траву. – Ненавижу это всё. Как выезжать будем?

– Может, завтра подсохнет? – убивает он на шее комара.

Жужжат, сволочи. Не съели бы живьём! А то Маре ничего не достанется.

И пока мы корячимся, чтобы вытащить из багажника наши сумки и не утонуть окончательно в вязкой земляной каше, начинает темнеть.

«Кеч Бозого» – большой двухэтажный коттедж, обнесённый невысоким забором. На территории штук пять домиков для туристов. В центре беседка, площадка для мангала... Подзаброшено, нет никого.

Подтягиваюсь на заборе, упираясь ногами в дерево. И мне кажется, что в одном из окон дальнего домика вижу слабый свет.

Свистнув погромче, кричу:

– Эй, хозяйева!! Есть кто живой?

Вижу в сумерках силуэт. Прихрамывая, к нам идёт невысокий мужчина. Подходит ближе – и меня передёргивает от его вида. Весь в шрамах и перекошен, словно его пожевал и выплюнул какой-то огромный зверь.

– Добрый вечер!

Кивает и смотрит на меня как-то по-особенному, слишком внимательно, что ли. На мой рот.

– А мы Марену Богдановну ищем.

Отрицательно качает головой.

– Глухонемой, что ли? – шепчет мне Вадик.

– Ты слышишь меня? – вглядываюсь я в глаза мужичка.

Неуверенно кивает.

– Говорить можешь? – увеличиваю громкость.

Показывает на распоротое и криво сросшееся горло, отрицательно качая головой.

– Нам нужна Мара, – медленно выговариваю я. – Она здесь?

Отрицательно качает головой.

– А где?

Машет рукой наискосок на другой берег озера.

– А телефон есть у неё какой-то? Позвонить можно? Как ты с ней связываешься?

Разводит руками.

– Отлично! – падает с моего плеча сумка. – А лодка есть? Моторка? Я тебе заплачу.

Достаю пару купюр.

– Завтра верну обратно.

– Серый, может, завтра? Когда светло будет? – шепчет мне Вадик.

– У нас уже куплены обратные билеты – это раз. Два – в городе, в больнице, осталась Илга. Её, конечно, охраняют. Но хрен его знает, Вадик. Надо торопиться.

Моя молодая мачеха беременна. И тяжело пережила смерть мужа. Слегла. И даже не смогла присутствовать на похоронах.

Пожёванный идёт по вытоптанной тропинке к берегу. Мы идём за ним. Показывает.

Это не лодка! Это современная пластиковая ванночка на одного очень небольшого человека.

– Вообще супер! Там бензин-то хоть есть? – стучу я по движку.

Положительно кивает.

– Меня выдержит?

Разница у нас с ним килограммов в тридцать. И что-то прикинув, он снова кивает.

Добавляю ещё одну купюру.

– Человека моего приюти, пока я не вернусь. И ещё...

Загружаю карту Телецкого на планшете. Грузится долго. Связи практически нет. Увеличиваю, показываю ему.

– Покажи, где Мара?

Тыкает пальцем на экран у берега напротив, немного вглубь. Высчитываю расстояние. Прилично...

Перекидываю по карманам кое-какие нужные вещи из сумки и отдаю её.

– Ладно, Вадик, до завтра. Не вернусь – значит, съела.

* * *

Причаливаю, когда луна уже полноценно взошла и высветила на поверхности воды лунную дорожку. Ну, да... Красиво в этом лоне!

Кроссовки приходится замочить. Ну и пусть, зато отмою от комков налипшей грязи.

На берегу никаких признаков жизни. И я в недоумении осматриваюсь. Может, чуть глубже она здесь обитает? В темноте идти в такую глушь страшновато. Но чего уж теперь?

И я иду в чащу. Под ногами трещат ветки. Прикрываю лицо одной рукой, чтобы они не царапали по нему. Метров пятьдесят в небольшую горку – и я чувствую себя вымотанным от этого продиранья через кусты.

Нет, надо было вдоль берега пройтись. Или вообще там остаться. Если она слышала мотор, должна выйти. Вдруг это её сторож приехал? Катается он сюда по-любому. Иначе зачем и откуда у него такая современная лодка?

Пытаюсь сориентироваться, чтобы выйти к берегу. Но минут через пятнадцать оказываюсь в каком-то овраге. Свечу фонарём. Должна же быть тут где-то тропинка, если она живёт здесь. Или не живёт?...

А что она вообще здесь делает?

Вздрагиваю от звука сорвавшейся с ветки птицы. Адреналин бодрит!

Надо идти к берегу.

И в какую это сторону, интересно? Густая крона скрывает луну.

От далёкого пронзительного волчьего воя волосы на загривке становятся дыбом.

Да ну его на*ер! Достаю ствол, взвожу.

Разворачиваюсь в направление воображаемого мной берега. Связь на планшете отключилась окончательно, и я убираю этот бесполезный сейчас кусок пластика. Иду вдоль оврага, наблюдая, как густой туман клубится под ногами.

Хочется материться, но, не поддаваясь панике, я продираюсь. Иду почему-то вниз. А с берега, вроде как, лес поднимался на холм... Чёрт возьми!

Разворачиваюсь обратно, понимая, что даже примерно не могу сообразить, в каком направлении двигаться. Но по инерции иду ещё метров десять вперёд и оказываюсь на небольшой опушке.

Громкий треск ветки. Внутри моего живота словно падает ядро от пушки. В свете луны на туманной «подложке» – девичий силуэт. Метрах в трёх от меня. Лунный свет подсвечивает её сзади. Эффектное появление!

Присматриваюсь, опуская ствол. В её руках сломанная ветка, и я догоняю, что она намеренно переломила её сейчас, чтобы привлечь моё внимание.

В сумраке никак не могу определить её возраст. Сначала мне вообще показалось, что девчонка, а теперь кажется – взрослая женщина, просто очень подтянутая и миниатюрная. Из-под кожаной безрукавки видны спортивные плечи, словно вырезанные из слоновой кости. Ниже – рельефные бицепсы. Не массивные, скорее, наоборот, утончённые. Поднимаю фонарь, направляя луч света рядом с её лицом.

Грациозно уходит чуть левее. Но я успеваю заметить нечто необычайное.

Один глаз у неё яркий светло-голубой, второй – тёмно-карий! Разве это возможно?! Линзы?...

Шокированно навожу на неё фонарь снова. И опять она делает плавный шаг левее. Свет успевает выхватить красные рваные следы от когтей на шее.

– Ты ранена?!

– Это татуировка.

– Татуировка разорванной когтями шеи?! – очень реалистичная, надо сказать, выполненная в 3D. – Зачем?

– Чтобы смерть не промазала, когда придёт.

Пффф... – встряхиваюсь я.

– Ты – Мара, правильно?

– Правильно.

– Наконец-то я тебя нашёл!

– Это я тебя нашла. Ты заблудился.

– Можно сказать и так. Я хочу поговорить с тобой, Мара.

– Иди за мной...

– Куда?

Боковым зрением ловлю какое-то резкое движение массивного силуэта, и тело взрывается адреналиновой волной! Поднимаю ствол, ловя это движение в темноте в прицел.

Мара встаёт передо мной, исподлобья сверля меня взглядом.

– Там зверь! Отойди!!!

– Там зверь. Мой. Йага.

Пытаясь отдышаться, опускаю ствол ниже.

– Собака, что ли?

– Рысь.

– Рысь?! Разве можно приручить рысь? – тревожно оглядываюсь я. – У неё же очень сильные инстинкты. Особенно здесь, в своей среде обитания. Они же даже сытые убивают. Из азарта.

Чувствую на себе опасный взгляд хищника. Адреналин продолжает пульсировать в крови.

– У вас много общего... – слегка пренебрежительно.

Мара отворачивается и идёт вперед.

Я стараюсь держаться ближе, чтобы эта долбаная рысь, которая чуть не довела до инфаркта, не приняла меня за дичь.

– Почему «Яга»?

– Потому что она страж...

– А я думал, Яга – это ты, – с усмешкой пытаюсь пошутить.

– Я – Мара. У меня другие задачи.

Под ногами довольно широкая тропинка. Как я не заметил её? Я же все тут облазил.

– А почему «Мара»? – вспоминаю славянскую мифологию. – В честь богини смерти? Или богини плодородия?

– Это одно и то же.

– В каком смысле?

– Разные этапы цикла. Но процесс един.

– Куда мы идём?

– Туда, куда ты так стремился. Ко мне.

– И что там?... – я застываю, не договорив фразу.

Брови ползут вверх. Вообще-то, я пошутить так хотел...

Небольшой бревенчатый домик высоко над землёй. Свечу фонарём на высокую приставную лестницу. За ней...

– Реально?! На «курьих ножках»?! Чувство юмора у тебя, конечно, аховое.

– «Курных», – поправляет она меня. – Курьих – ошибка транскрипции и перевода. Это сомья. В тайге рациональней ставить на пни, чем класть фундамент.

– Курных?

– Пни обкуриваются дегтярной смолой, чтобы насекомые и грызуны не портили опору.

– Да? А то я...

– А ты сказок в детстве перечитал и местных наслушался.

– Нда... А там что? – перевожу фонарь левее и вскрикиваю от ужаса.

Снова какой-то мелькнувший силуэт. Он исчезает вместе со светом.

– Не понял... – приближаюсь я к месту, где он был. – Это что?

– Это могильные плиты.

– Да б*ять! – дёргаюсь опять от животного ужаса, психую на свой непрекращающийся мандраж.

Силуэт снова на секунду появляется и двигается.

– Стой, это же зеркала!! – подхожу к двум ближайшим могилкам, понимая, что видел своё двигающееся отражение в свете фонаря.

– Да.

– Твою мать!! Кто ставит зеркала вместо могильных плит?! – шокированно разглядываю резные оправы больших зеркал.

– Тот, кто не хочет закрывать «дверь» окончательно.

– Это кладбище?... Где я вообще?!

– А куда ты шёл?

– К Маре.

– Так ты у неё... С добром ко мне не жалуют, поэтому просто... прошу в покои! – указывает она рукой на приставную лестницу.

Массивная рысь с разбегу запрыгивает на двухметровую высоту, замирая грациозным силуэтом на высвеченном луной торце избы.

И её «в покои» я слышу почему-то как «упокоить».

Чертовщинка!

Глава 2

Иные пути

Мара – в облегающих кожаных штанах, и, не удержавшись, я поднимаю фонарь, чтобы снизу полюбоваться на то, как чёрная кожа заманчиво натягивается на её заднице при каждом шаге вверх по приставной лестнице.

Как только она исчезает в чёрном дверном проёме, лезу за ней следом. На самом верху натыкаюсь взглядом на подсвеченные луной глаза Яги. Мне хочется поднять над ней растопыренную кисть, как над кошкой, и подразнить её так. Но

эта «кошка» легко отгрызёт мою руку за такую вольность.

Оскаливается на меня с тихим шипением.

И я, ускоряясь, влетаю в тёмный проем. Свечу фонарём по сторонам. Примерно три на три. Маленькая печь, спальник в углу, рядом сундук. В углу очень современный компьютерный стол с ноутбуком. И этот угол создает эффект склеенного пространства двух разных веков. Забавно!

– Света тут не предусмотрено?

– Свет нужен тем, кто хочет разглядывать. Тем, кто хочет видеть, достаточно свечи.

В её руках вспыхивает свеча.

– Взглядом, что ли, зажгла? – саркастически усмехаюсь я.

Щелчка зажигалки не слышал.

– Ты боишься. Не бойся. Мы тебя не съедим.

– Пф... – звучит гораздо пренебрежительнее, чем мне хотелось бы.

Веду плечами, стряхивая с себя чувство напряжения и поселившуюся глубоко внизу живота какую-то тревожную тяжесть. На автомате прикасаюсь к стволу, надёжно сидящему за моим поясом. Мара больших опасений не вызывает, но вот Яга...

– А вообще практикуете? – ухмыляюсь я. – Каннибализм?

– Каннибализм нет. Но Йага людоедка.

– Чо?! – разворачиваюсь я, с ужасом ощущая рысий взгляд.

Она застыла сфинксом в проёме открытой двери.

– Иногда, – добавляет Мара как ни в чём не бывало.

– Так, Марена Богдановна. Жути на меня наводить не надо. Давайте ближе к делу.

– Тогда садись.

– Куда?

– Где стоишь.

Опускаю взгляд. На полу тускло светятся зелёным светом сворачивающиеся в спираль непонятные мне символы. Диаметр примерно метра полтора. Эффектно!!

– Фосфор?

– Да.

– Что за фигура?

– Лабиринт твоего разума.

– Ну да! – скептически вздыхаю. – Мне в центр?

– Нет.

Садится по-турецки так, чтобы центральная площадка сантиметров сорок в диаметре осталась пустой. Сажусь так же напротив.

Она ставит в центр свечу.

– Как тебя зовут?

– Я – Серый. Сергей.

– Подходящее имя... За чем ты пришёл?

– А ты разве не видишь? Ты же видящая.

– Почему ты пришёл, я вижу: потому, что твоё время выходит, и тебе пора домой. Я хочу услышать, ЗА ЧЕМ ты пришёл.

– Найди мою смерть. Мне сказали, что ты умеешь. Я тебе заплачу.

– Чем?

– Деньгами! Чем ещё?

– Зачем мне деньги?

– Деньги – это свобода.

– Деньги – это плен. Ты в их плену. И не можешь делать то, что тебе хочется. А я могу... Моя жизнь никак не поменяется от того, больше или меньше денег у меня станет. Они не регулируют мою мотивацию.

– Разговариваешь ты не по-местному.

– А я не местная.

– Ну, подожди! На что-то же ты покупаешь технику, – киваю на ноутбук. – Еду.

– Еду мне приносит Яга.

– Ой, ладно, генераторы для ноута твоя Яга тебе не приносит.

Мой фонарь, лежащий рядом, светит под стол. Там два массивных генератора.

– И кожаные брендовые штанишки тоже вряд ли.

Поднимаю фонарь, светя ей на пояс. Там дорогуший лейбл.

– База твоя, в конце концов! Доход ты с неё явно не получаешь, а содержать её надо, и налоги платить тоже.

– Мои земные дела решают мои доверенные лица. Я об этом не забочусь.

– Чем-то же ты им платишь за работу!

– Я отсрочиваю их смерть.

Вау... сколько пафоса!

– А какие это «лица»? «Первые»?

– Ты интервью пришёл брать?

– Нет. Ты поможешь? Что ты хочешь за это?

– Зеркало. С серебряной основой. Овальное. Метр в высоту. И я дам тебе взглянуть на то, что ты хочешь увидеть.

– На днях тебе его доставят. Такое, как на твоих могилах?

– Именно такое.

– Так мы договорились?

Она тянет мне открытый мешочек.

– Достань одну.

Кого – одну?...

Но рука машинально тянется в мешочек, подчиняясь её указаниям.

Под пальцами стучат гладкие фигурки. Вытаскиваю.

– Положи в центр спирали.

Снова подчиняюсь.

– Это – ольгиз. Руна жизни и смерти. Вытаскивай следующую.

Отдаю ей ещё один квадратик.

– Турисаз: критическая ситуация... Ещё... Тейваз: противоборство, война, конфликт интересов. Враг. Ещё... Хагалаз... – поднимает она на меня свои разные глаза. – Всё разрушено. Ещё. Маназ: туман перед твоими глазами. Тебя хотят убить, Серый. Ты стоишь на чьём-то пути. У тебя есть враг. Ты не знаешь, кто он.

– Не очень впечатляет. Думаю, каждый второй находит тебя примерно с такой же проблемой.

– Я не фокусник, чтобы впечатлять.

– Покажи мне лицо моего врага. Можешь?

– Могу. Сможешь ли увидеть, вот вопрос.

– А ты попробуй, я способный.

– Пойдём... вниз. К моим зеркалам.

Ооо... как не нравится мне эта идея! От её кладбища волосы встают дыбом по хребту, как шерсть у волка.

Но сам ведь напросился.

Мара исчезает в проёме двери. Яги там уже нет.

И я, пытаюсь успокоить колотящееся сердце, спускаюсь следом. Лестница ходит ходуном под моими ногами. Не навернуться бы...

Вижу силуэт Мары у одной из могил.

– Кто тут лежит?

– Мой дед.

– А зеркало зачем?

– Потом поймёшь. Сядь перед зеркалом.

– Стрёмновато как-то сидеть на чужой могиле.

– Ты – убийца. Ты боишься мёртвых?

– Нет. Но твои потусторонние игры рожают какой-то животный, парадоксальный страх!

– Это потому, что я спускаю твоё сознание ниже человеческих сфер. В миры, где страх – приоритет.

– Мне казалось, это в нашем мире страх – приоритет.

– Нет. Здесь – любовь. Но мир просаживается... и страх затекает снизу... Поэтому здесь так много страха, и воплощаются существа из нижнего мира. Ты, например.

– Я из нижнего?!

– Да. Но ты уже отработал своё. Осталось только преодолеть хищные инстинкты, и ты родишься, наконец, человеком.

– Разве не хищные инстинкты характеризуют мужчину?

– Мужчину характеризует сила быть выше инстинктов. А вот самца – да, именно они.

– Ладно, Мара, не пудри мне мозг своей философией. К делу... Прямо на землю садиться? Сыро после дождя.

Она отходит к основанию дома, что-то берёт там и протягивает мне. Кусок пенки.

– Сядь на это. Разуйся. Ступни поставь на землю.

– Зачем?

– Это слишком сложно, чтобы ты понял.

– Давай объясняй. Всё объясняй. У меня всё нормально с интеллектом.

– Интеллект тут ни при чём. Это знания другой реальности. Они не впишутся в твою концепцию мира, и ты будешь пытаться их критиковать. И твоему мозгу будет очень сложно выйти на нужные частоты.

– Это какие?

– Четыре герца. Сомнологи относят их к границе дельта-волны. С одновременной инициацией шишковидной железы, которая отвечает за интуицию, они дадут тебе возможность двигаться во времени. Вперёд и назад.

– Как вещие сны?

– Типа того...

Пока она рассказывает, я делаю, как она сказала – разуваюсь и сажусь перед зеркалом. Земля прохладная и сырая. Смотрю в зеркало, вижу своё отражение в зеркальном туннеле. За моей спиной ещё одна могила, и её зеркало «смотрит» в моё зеркало, ловя меня в этот туннель. Что-то нехорошее вспоминается мне об этих туннелях...

Мара ставит свечу перед зеркалом.

Из-за надгробия достаёт жгут, свёрнутый восьмёркой и перехваченный стальной пряжкой посередине.

– Это для твоих ног. Надень на щиколотки и затяни.

– Это ещё зачем?

– Вдруг тебе вздумается побегать. Чтобы не убежал далеко. Здесь много диких зверей. Да и в темноте можно элементарно переломать ноги.

– А с чего вдруг мне должно это вздуматься.

– Ты можешь напугаться.

– Я не побегу!

– Надевай... – усмехается она хищно.

Скрипя зубами, вставляю ступни в петли.

– И что дальше?

– А дальше, – протягивает она мне фляжку, – ты выпьешь это и отдашь мне своё оружие.

– Э, нет! Да ты что?! – истерично смеюсь я.

– Ради твоей безопасности отдашь.

– Я сказал – нет. Вдруг ты психопатка? Местные уверены, что имеешь отношение к пропавшим туристам, например.

– Местные сочиняют легенды. Легенды привлекают туристов. Туристы привозят деньги.

– Да? А кладбище это, – считаю могилы. – Одиннадцать человек! Что-то не вижу я рядом никаких поселений!

– Эти люди пришли ко мне умирать и умерли здесь.

– Ствол не отдам!

– Я пытаюсь перевести тебя сейчас через шаткий мостик над пропастью. Перевести так, чтобы ты не упал. А ты капризничаешь, как ребёнок, желающий ехать по нему на самокате с закрытыми глазами. И я перестаю понимать, зачем я привела к этому мосту ребёнка. Зачем тебе оружие? Йага умрёт от ножа, я – от зубов зверя. Волки сюда не сунутся. В кого ты собрался стрелять? В призраков?

Несёт ахиною, но мозги, надо отметить, морочатся знатно, и я почти соглашаюсь внутри себя на то, чтобы отдать ей ствол.

– А во фляжке что?

– Чай из мухоморов.

– Вообще супер!

– Тебе нужен проводник. Грибы – это проводник.

– Это галлюциноген! «Глюкнуть» я могу и у себя в Москве, в специальном закрытом клубе. И я пилил сюда не для того, чтобы...

– Ты тратишь моё время. Грибы – это протосознание. Грибница растёт из нижнего мира в верхний, пронизывая собой зону перехода. Здесь грибы собирают все нижние вибрации, весь психический и химический шлак, чтобы как манну небесную обрушить их на мир, который под нами. Для которого это всё – высшие вибрации. Грибы – это божество. Там. Они помогут тебе двинуться вниз, в твоё бессознательное, изменяя твоё сознание по своему образу и подобию. Вниз. Там все ответы.

– Почему они внизу? Я всегда думал – вверх. Бог же, как бы... Он знает все ответы.

– Я же сказала, грибница – тоже божество. Нижнее. А все ответы, которые тебе нужны, находятся в бессознательных программах, которые ты выполняешь. Программы из ТОГО уровня сознания.

Вздыхает.

– Ты утомляешь меня. Либо ты пьёшь, отдаёшь ствол и отправляешься в путешествие. Либо не так важен тебе ответ на твой вопрос. И ты можешь идти отсюда.

Протягивает фляжку.

– Нет! – стягиваю я с ног верёвки.

Всегда боялся галлюциногенов. Лучше уж коксика...

Обуваюсь. Отряхиваюсь.

– Приятно было познакомиться, Марена Богдановна. Но я пас. Как тут попасть к берегу?

Молча показывает направление.

– Вы киску свою придержите, а то вдруг-таки не от ножа...

Показательно перезаряжаю ствол.

Ноги сами отыскивают тропинку, и я ускоряюсь с горки, чувствуя с каждым шагом, как в воздухе становится всё больше свежести.

На берегу достаточно светло, и я иду вдоль озера. Минут через десять натыкаясь на свою лодку.

Нда. Такой путь, и так бессмысленно! Надо возвращаться? А дальше что? Прятаться, открестившись от всех дел? И от наследства отца заодно? Если это месть – не поможет. Вроде и «крыша» мощная, а вот против таких тёмных заказных абсолютно бесполезна. А может это сверху кто?... А смысл? Снять они «нашу голову» могли и не мараю рук. Одним словом. Зачем столько суеты? Да и устраивал отец верхних. Даже сами засуетились по тому поводу, что их стаю стреляют. Туда я уже думал. Пока пусто.

Присаживаюсь на поваленное дерево. Достая телефон. Связь – едва-едва. Последнее деление периодически пропадает. Открываю смски, мой интернет здесь не ловит совсем. Интересно, а у Мары есть здесь свой вайфай? Захожу в «связь». Есть!! Запароленный канал «ldos2000». Далеко бьёт её «точка». Запаролен! От кого запаролен-то? От волков?! Могла бы и поделиться паролем с гостем. С 2000 года, что ли, здесь?! А сколько у нас в 2000 стоило свою точку по интернету сделать с нуля? Ого... Какой богатый она дауншифтер! А сколько ей было-то в 2000? Лет семь? Или это всё темнота?

Смс... Снова включаю сообщения.

Читаю новости за последние сутки от нескольких своих людей, оставшихся в Москве.

С моей тачки снято взрывное. Дядьку убили... Семью его не тронули. Брак у него гражданский... Это сыграло или нет? Вряд ли просто пожалели. Жену брата не пожалели.

Ну, пи**ец! Он-то здесь при чём?! Он даже не в теме. Продавал мирно витаминки в аптеке своей! Или, может, отец ему при братской попойке ляпнул чего? А кто и откуда это мог узнать? Нет больше дядьки. Всё. Теперь реально я один. Если не считать Илги. Но она мне родной так и не стала. Мать из-за неё ушла быстро. Сердце... А вот тот, кто в ней – родной. Последний из моего рода. Илга. Какой смысл трогать её? Что она может? Если только это не месть.

Скидываю своим смску, чтобы глаз с неё не спускали и... Да чёрт с ним. Отдам я ей ствол. С большей вероятностью она может натравить на меня свою Ягу, когда я отвернусь. Хотя психопаты нелогичны, любят играть и убивать с определёнными ритуалами. Ритуалами... Ну, или не отдам!! Короче, надо возвращаться и договариваться как-то.

Иду обратно.

Вот реально, Серый, веришь ты, что красный гриб и зеркало на могиле откроют тебе личность заказчика? Может тут в тумане каких галлюциногенов намешано, но иррационально верю. Уверен! Говорят, идеи психопатов заразны... Вон, Гитлер целую страну манией величия заразил.

Шёл к воде – тропинка была широкой и чёткой. Сейчас словно стёрли! И я брожу уже минут двадцать по линии леса, пытаюсь её отыскать. Вроде как на входе есть, но в чаще растворяется в буреломе. Реально колдовство! Ведь помню, выходил здесь где-то!! Или это не та тропинка?

Вот это направление было! – примерно вычисляю я, достаю ствол и врезаюсь опять в ветки. Тихо матерясь, пробираюсь в гущу, пытаюсь найти тропинку. Ну нет её!! И через полчаса блужданий понимаю, что всё. Опять не знаю, в какую сторону иду. Не попасть к тебе без приглашения, шаманка?

Замираю, прислушиваясь. Тайга словно живая... Чувствую взгляды... шорохи... чьё-то присутствие... От ужаса по спине бегут мурашки, опять падает тяжестью страх вниз живота.

Слева шелест...

А если волки? А если стая?

Сердце начинает истерить в груди. Из ноздрей рвано вырывается воздух. Адреналин заставляет пульсировать голову. Поворачиваясь вокруг оси, выискиваю движение в прицел. И ощущение такое – будто движется вообще всё! Страх нарастает...

Так... Пора звать Мару!

Поднимаю ствол вверх и делаю два выстрела.

Разворачиваюсь ещё раз и врезаюсь в ствол. Да как?... Бревно же под ногами было... Ощупываю ногами землю. Нет бревна...

– Морок какой-то...

– Не к месту ты Морока вспоминаешь.

Рывком поворачиваюсь на звук, по инерции ловя её в прицел.

Ведьма! Из воздуха, что ли, возникла?!

Стираю пот рукавом со лба, пряча пистолет за ремень.

– Зачем стрелять? Тебя за километр слышно. Медведь тише ходит.

– Куда тропинка делась?

– Я тебе дорожку красную развернула, чтобы не заблудился. А потом свернула за ненужностью.

– Вот знала же, что вернусь. Из принципа тропу свою спрятала?

– Интересно же за городским аборигеном в лесной стихии понаблюдать.

– Это такой юмор?

– Какой уж есть. Иди за мной.

Чувствую, как метрах в пяти по веткам деревьев, пружиня, движется Яга.

А тропинка – вот она! Под ногами.

И уже минут через пять мы оказываемся снова у её зеркальных могил.

Сажусь, разуваюсь.

– Давай свою фляжку.

Подаёт жгут. Без комментариев надеваю его на щиколотки. Она сама затягивает центральный стальной карабин.

– Оружие, – протягивает руку.

Высыпаю пули в ладонь. Ссыпаю в карман. Отдаю.

– Ты со мной будешь?

– Волков боишься?

– Боюсь.

– Сторожить в этом мире будет Йага. А я с тобой в тот пойду. Уж если ты в этом блудишь, в том тебе самому никуда не попасть.

– А что за мир-то?

– Навь.

– А этот – Явь, следовательно?

– Да.

– А ты из какого мира?

– Я из Прави. Но живу между Явью и Навью. На границе.

– Работа такая? – усмехаюсь я.

– Ссылка.

– В чём накосячила?

– Пей...

– Закрой глаза...

Она обнимает меня как змея сзади наискосок: одна рука сверху, над моим плечом, вторая под моей рукой. Они встречаются у меня на груди. В этом нет ни капли нежности или эротизма, хотя надо отметить, женщина она очень красивая. И пахнет она не сладко, как я привык, а чем-то полынным, горьковатым...

– Сконцентрируйся на своём горле и порычи им как я... – она издаёт низкое горловое рычание, прижимаясь щекой к моему виску. Я чувствую, как идёт вибрация от неё ко мне.

Пробую повторить, и через некоторое время у меня получается.

– Вдыхай глубже, звучи дольше... Спускай свой звук за моими пальцами.

Её пальцы медленно двигаются по центру моего тела вниз. Очень медленно. В какой-то момент мы совпадаем тональностями, и я чувствую, как резонанс от этого горлового звука идёт через нас двоих. Мы звучим как камертон. Мой звук действительно становится глубже и поглощает меня. И через некоторое время он словно идёт из низа живота, а не из горла. Быть может, это эффект галлюциногена. Меня начинает размазывать... Слышу отдалённый треск костра, разведённого Марой... Как урчит недалеко её рысь... Как звучим мы... Мой слух словно живёт отдельно от тела и двигается за его границами, то приближаясь, то отдаляясь от разных источников звука.

– Расслабь свой ум и двигайся на этот звук... Оставь только его... Всё остальное растворяется в нём... Когда я скажу, ты откроешь глаза и сфокусируешь их на линии горизонта, словно между тобой и горизонтом нет ничего. Твои глаза смотрят в даль... Очень-очень далеко...

И на краю сознания я вспоминаю, что именно так меня учили в детстве смотреть 3D-картинки.

– Открывай...

Мои веки медленно разлепляются. И я смотрю на эфемерный горизонт. Перед глазами всё расплывается. На автомате пытаюсь сфокусировать взгляд, но ничего не получается. Лёгкий хлопок по спине, и вдруг я ловлю фокус!!

Зеркало словно проваливается внутрь, и я вижу этот зеркальный туннель уже не как отражение, а как провал. Каменный грот!

– Иди... – низкотембрально и очень убедительно.

Так убедительно, что сомнений у меня не возникает.

И я иду внутрь, одновременно чувствуя, что остаюсь на месте.

Резко дёргаюсь вбок, пытаюсь повернуться и поймать в фокус что-то мелькнувшее сбоку.

Чувствую, как мою голову удерживают.

– Ты видишь их боковым зрением... Не пытайся разглядывать... В привычной глубине резкости взгляда ты их не увидишь...

Язык прилипает к нёбу, и я выдавливаю из себя шёпотом:

– Кто?

Кто эти мелькающие на стенках туннеля, леденящие душу блики? Это не тени... Это нечто разумное... Я чувствую внимание...

– Духи... мёртвые... тени... Все, кто застрял на границе...

В горле от ужаса встаёт ком, тело трясёт. Я не боюсь трупов. Но это не они. Это нечто другое!!

– Иди...

Чего им надо от меня?!

– Ты источник жизни... ты привлекаешь... Контролируй свой страх... или они начнут тебя жрать...

А попробуйте контролировать страх при этой угрозе! Мне хочется отыскать в себе сарказм, отыскать какую-то критику... Разумную версию происходящего. Это же просто глюки?!

Но нарастающий ужас не даёт мыслить. И я шарахаюсь от каждого движения сбоку. И чувствую, как крупной дрожью меня трясёт в руках Мары. Нет, я не могу там ничего увидеть. Никаких ужасающих лиц, картин. Но чувствую очень много. Ужас, низкий гул, тряску и... какую-то стужу... Дыхание начинает вырываться из меня с низким истеричным звуком.

– Иди навстречу своему страху... расслабься... отдайся ему... Пусть течёт через тебя... Это не ты боишься... Ты чувствуешь ужас места, по которому идёшь... Таков барьер... Он состоит из ужаса... Ты идёшь в Навь... Иди... Иди...

– Нет... – начинаю тормозить я. – Нет! Хватит!

– Иди... Там ответ... Там... Смотри вперёд... Преодолей пелену ужаса... За ним ты увидишь... Полотно Нави подвижно... Оно отобразит твою судьбу и создаст тебе картину... Ты увидишь...

И впереди меня действительно пелена... И я вижу там силуэт... Он женский!

Но ужас накатывает сильнее, и я упираюсь всем, чем могу! Не телом...

Внутри меня однозначная уверенность, что если я дойду до конца туннеля и войду в эту пелену, то никогда не выйду оттуда сам. Так и останусь в этом молоке!

– Ты выйдешь на звук... на мой голос... Не подчиняйся своим страхам... Преодолей пелену... – чувствую, как толкает и тащит она меня уже силой.

Гул становится сильнее, ужас – всепоглощающим, лязг, скрип, вой!! Глаза закатываются, и я впадаю в какой-то приступ. Тело трясёт, падаю навзничь, успевая только заметить длинные тёмные волосы, словно всклокоченные, и

какой-то символ, как... тату?...

* * *

Прихожу в себя уже утром. Костёр дымится... В глаза мне смотрит лежащая напротив Яга. Я на каремате, накрыт спальником, он пахнет как Мара – полынью и хвоей.

В голове мутно.

– Мара... – хриплю я.

Чувствую, что она где-то за спиной.

– Верни меня обратно.

– Куда?

– Туда, где я был.

– Увы, но ты там не пройдёшь.

– Почему было так страшно? – вспоминаю я.

Ведь никаких объективных причин испытывать такой парализующий страх не было.

– Это психоэнергетический барьер. Он состоит из глубинного, бессознательного ужаса.

– Почему я его не прошёл?

– В тебе нет отстранённости. Ты не умеешь отделять ощущения от осознания.

– Очень нелестный отзыв обо мне, как о мужчине.

– Твой гендер тут ни при чём. Он всего лишь форма иллюзии. Ты слишком влип в Морок. Ты завязан на своё тело и материальный мир. Не можешь отделить себя от этого. Ты не осознаешь степень иллюзорности всего происходящего. И ты не пройдёшь барьер.

– Даже с твоей помощью?

– Я могу протащить. Но за твоё психическое здоровье после – не поручусь. И за то, что ты вернёшься – тоже. Тебя увлекут иллюзии Нави, и ты заблудишься в них.

Протягивает мне фляжку. На этот раз другую.

Делаю глоток. Там вода. Прохладная и очень вкусная. Выпиваю ещё.

– В смысле?

– Насильно проведённый через барьер ужаса сознанием навсегда остается в Нави. Ты будешь постоянно галлюцинировать. Ты не сможешь разделить реальность от того, что будет втекать в тебя оттуда.

– Шизофрения?

– Да, у вас иногда это называют так. Если проведённые не справляются с этим и не превращают свою двойственность в силу.

– А если превращают?

– Тогда – шаманы.

– А что значит «протащить силой»? Как это?

– Осознанная смерть и возвращение. В определённом состоянии сознания. Возвращение – не гарантировано.

– Ты так стала тем, кто ты есть?

– В этом воплощении – да.

Закрываю глаза. Солнце всходит. С каждым лучом света произошедшее ночью всё больше вспоминается как сон. Сон под галлюциногеном. Он начинает развеиваться. Образы теряют яркость. И пока я не забыл всё...

– Я увидел там женщину. Темноволосую. Не увидел её лица. Но увидел символ.

Присаживаюсь, достаю из костра ветку, рисую на пепле знак.

– Тёмный знак. Иор. Руна змея. У него сотни значений. Но я дам тебе следующее: «...по обе стороны баррикад...»

Значит всё-таки это атака изнутри? Там полно женщин! У каждого из синдиката есть жёны, любовницы, дочери, матери... Есть, в конце концов, женщины и внутри самого синдиката, я вспоминаю парочку. И не со всеми из партнёров у отца были доброжелательные личные отношения! Как найти, кто именно?...

– Знак выглядел как тату на её коже, – вспоминаю я.

– Ищи. Тебе пора... – кладёт она пистолет рядом со мной.

– И это всё?!

– Я дала много. Ты взял, сколько смог.

– Короче... – вставляю патроны обратно. – Мне нужно, чтобы ты поехала со мной.

– Ты хочешь, чтобы я покинула место своей силы и послужила тебе?

– Да.

– А что ты можешь дать мне взамен? Весь мир в моих руках. Что мне может дать его крохотная часть?

– Я дам тебе всё, что могу. Назови цену.

– Хочу равноценный обмен.

– В смысле?

– Я послужу тебе в твоём мире. Ты послужишь мне в моём.

– Точнее, Мара. Я привык держать своё слово, поэтому хочу понимать конкретно.

– Ты же не можешь сейчас конкретно определить, каким образом я буду служить тебе в твоём мире. Так? И я не могу. Но могу тебе только сказать, что твоя служба начнётся после твоей смерти.

– Ааа... Да без проблем! – фыркаю я.

Меня мало волнует, что будет после. И гораздо спокойней я буду чувствовать себя в её свите! И снова вспоминаю то ощущение ужаса, которое охватило меня в этом хождении за грань жизни.

Тяну ей руку.

Пожимает, её взгляд очень глубокий, она крепко держит мою ладонь, не заканчивая наше рукопожатие.

– Каждому своё. Я нахожу ту, что хочет твоей смерти, а ты мой слуга после неё.

– Замётано.

По спине идёт дрожь, и меня передёргивает.

В руках Мары появляется медальон.

– Это ольгиз. Оберег. Руна жизни и смерти. Чтобы ты не ушёл без меня и не заблудился.

– Не понял...

– А тебе пока и не надо это понимать, – надевает мне на шею. – Считай это подарком от Мары.

Глава 3

Морок яви

На берегу очередной морок. Моё маленькое судно превращено в приличную моторку. Нет, в такого рода волшебство я не верю. Но на всякий случай толкаю его кроссовком в бок. Вполне себе материальный бок.

Поворачиваюсь к Маре с вопросом в глазах.

В своём новом экстра-трендовом прикиде она странно смотрится на фоне местного пейзажа. Глубокий капюшон чёрного короткого пальто, по фасону напоминающего мантию, обрезанную ровно на поясе, скрывает глаза. Правда, ременной пояс этой мантии больше монтируется к её массивным берцам, которыми заканчиваются длинные стройные ноги, обтянутые тоже чёрными джинсами. На плече рюкзак, уже неудивительно, что чёрный, очень похожий на америкосовскую солдатскую заплечную сумку-мешок.

Пальцы усыпаны серебряными стильными кольцами, из-под длинных расклешённых рукавов выглядывают тату-мандалы.

– Если чёрный – это попытка конспирации, – с сарказмом оглядываю её, – то не очень удачная. Ты будешь выделяться в этом в абсолютно любой толпе.

– Я и без этого буду выделяться. Поэтому одежда значения не имеет.

– А почему она такая вычурная?

– А почему твоя такая серая?

– Да? – оглядываю себя.

Действительно...

– Единственное, что мне хотелось бы скрыть, это глаза.

Она скидывает капюшон, оставаясь в солнцезащитных дымчатых очках.

Солнечный свет не особенно прибавляет ей возраста.

– Сколько тебе лет, Мара?

– Это бессмысленный вопрос.

– Почему?

– Тебя интересует, когда создана аватарка или сколько лет существу, разговаривающему под ней? Это разные цифры.

– Как всё сложно, – закрываю я глаза. – А лодка эта откуда? Я же на другой сюда причалил. И где та? Я обещал её вернуть.

– Её уже забрали, не беспокойся.

Развалившись в лодке напротив Мары, я закрываю глаза, подставляя лицо восходящему солнцу. Лодка режет водяную гладь. Мотор ревёт, не позволяя мне задать ей огромное количество вопросов, вертящихся в голове. Опускаю пальцы в ледяную воду.

В какой-то момент меня отрубает. И прихожу я в себя от того, что мотор затих.

Открываю глаза, оглядываюсь. Мы приближаемся к тому самому мосту.

– Эй! Мы несколько пролетели мимо твоей базы.

– Нам туда не надо.

– Мне туда надо! Там остался мой человек.

– Отправь его в отпуск.

Вадик хотел сюда в отпуск. Совпадение?

Достаю телефон, пишу ему распоряжения. Течение несёт нас в русло Бии.

– Зачем мотор выключила?

– А зачем людей будить? Пусть спят...

– Ты всегда так своих гостей вывозишь? Поэтому местные думают, что они не возвращаются?

Не отвечая, Мара тоже опускает ладонь в воду.

– Ты говорила, что ты в ссылке.

– Говорила.

– Что такое Правь? Где это?

– И Навь, и Явь, и Славь, и Правь – это состояния сознания, а не «где», его эгрегоры.

– Как это?

– Дерево находится рядом с нами, но его сознание спит. Оно в состоянии Навь. Наркоман находится тоже рядом с нами, но живёт в Нави. Шизофреник...

– Я помню, да. А мёртвые уходят в Навь?

– Некоторые. Некоторые – в Славь.

– А Правь?

– Тебе бы лучше про Явь интересоваться, – на её лице мелькает слегка высокомерная усмешка.

– Ладно. Явь.

– Явь – это состояние сознания, когда дух уверен, что всё вокруг – объективная реальность, и всё происходящее не зависит от него, а зависит от обстоятельств. А он часть всего этого.

– Интересно. Но разве бывает иначе? Нет, понятно, что можно немного управлять объективной реальностью по известным схемам, но по большому счёту она – данность.

– Ты в это веришь, потому что ты из Яви, – улыбается она.

– А во что веришь ты?

– Я заперта здесь... И ограничена этой реальностью, как и ты. Но я знаю, что эта так называемая объективная реальность всего лишь морок, отражение твоего духа в материальном мире. Всё, что вокруг, обосновано тем, что внутри. Это Правь. И весь мир в моих руках, – протягивает она ладонь, рассматривая её.

– Это и есть магия, да?

– Нет. Магии вообще нет. Это сказки. То, о чём я говорю, ближе к верхним ступеням йоги, если уж на то пошло, и к провидению, если смотреть на это из Яви. Из Прави отлично виден узор морока Яви. Но я практически слепа. Увы.

– Кстати... что с твоими глазами?

– Ты очень любопытен.

– Ты очень мифична, – пожимаю плечами. – А я с детства люблю сказки. Так что с ними?

– А у меня вообще нет глаз. Только «чело».

Она снимает очки, подаваясь вперёд и вглядываясь в мои глаза.

Я зависаю, мой взгляд теряет фокус, перед глазами всё плывет. Её разные глаза сначала расплываются, а потом соединяются в один как бы 3D рисунок. И этот глаз очень объёмный, выразительный, хрустально-бирюзовый с огромным чёрным зрачком...

Встряхиваюсь...

Видение тут же развеивается, и я опять вижу её немного странные, но вполне обычные глаза.

– Что это было?

– То, что я сказала.

– Я видел один глаз.

– Это «чело», на востоке этот орган называют чакра третьего глаза, аджна. А глаз у меня нет. Я слепа.

– Как это слепа?!

– Так. Но из своей Яви ты видишь меня такой. Женщиной с двумя глазами разного цвета.

Я снова встряхиваюсь, пытаюсь заглянуть ей в дымчатые стёкла.

– Это был гипноз? Ты гипнотизёр, да?

Мара улыбается, не отвечая.

Причаливаем мы за мостом у заправки. Там стоит рейсовый автобус. Мара быстро что-то обсуждает с водителем. И мы садимся с ней на пустое заднее

сиденье.

– Я немного посплю, не буди, – кладёт она мне голову на плечо.

И я от неожиданности каменею, вдруг впервые почувствовав за этой аватаркой именно женщину. Красивую...

* * *

Возле трапа дожидаясь Мару. В самолёте пришлось лететь на разных рядах и поговорить не удалось.

В Москве уже темно.

– Давай сумку.

Её заплечный мешок не выглядит лёгким. Интересно, что там?

– Я сама.

– Что там у тебя...

– ... голова Василиска.

Я, вообще-то, про медузу Горгону хотел пошутить! Но практически попала. И я обескураженно иду рядом с ней.

Юмор у неё специфический...

Забираю первое попавшееся такси. Домой ехать не вариант, там могут быть какие-нибудь сюрпризы, и я еду в среднего класса гостиницу. Не сообщая никому из своих, что уже вернулся.

Она смотрит в окно такси на ночной город, не снимая своих очков. Мне хочется ей сказать, чтобы сняла, темно ведь, но вспоминаю её «я слепа».

– Мара...

– М?

– А почему ты в ссылке?

– Известное дело, почему, – вздыхает она. – Только одна есть причина.

– И какая же?

– Вмешательство в узор мироздания.

– Ты подправила свою судьбу?

– Свою каждый может править так, как считает нужным. Я вмешалась в чужую.

– Ты сожалеешь?

– Нет, – ухмыляется она. – Всё идет согласно плану. Но если ты имеешь в виду, испытываю ли я дискомфорт, то естественно.

– А разве сейчас ты не вмешиваешься в мою судьбу?

– Нет. Я делаю то, что нам обоим предопределено.

– Ты очень крутая сказочница. Не даёшь ни одного ответа, но слушать тебя хочется, не останавливаясь. Не вмешиваешься, значит... То есть, умру я или не умру от тебя не зависит.

– Ты умрёшь. Все умирают.

– Окей! Когда я умру.

– Принципиально – не зависит.

– И я мог бы не ехать к тебе.

– Нет, не мог бы. Тебе было предопределено приехать.

– А если я сейчас выстрелю тебе в голову – это тоже так было задумано?

– Я умру не от пули. Ты не выстрелишь.

– Кто знает, как ляжет карта...

– Любой из Правы, – лениво ухмыляется она.

– А очень хочется выстрелить!

– Это инфантильный протест против чужой воли.

Нда...

– А почему инфантильный?

– Любой протест инфантилен. Зрелый дух знает, что всё – иллюзия и продукт его состояния. Он или принимает себя, или работает над собой.

«Ой, всё!» Я закатываю глаза, раздражаясь на эту её странную эпичность в рассуждениях.

– Так ты слепа?

– Да, – поворачивается ко мне.

А ориентируется в пространстве она отлично.

– Ты как-нибудь видишь меня?

– Как-нибудь вижу, – кивает.

– Как?

Она снимает очки.

– Так, – закрывает она свой карий глаз, оставляя бирюзовый, – я вижу тебя через Навь. Я вижу влияние духов, как ты вплетён в нижние сферы, всех лярв, которые жрут тебя, твою смерть, твои сны, твои инстинкты, травмы...

Меняет руку, закрывая голубой и оставляя карий:

– Так я вижу тебя через Славь: твой род, твоих предков, твоё предназначение, твои мотивы, судьбу.

– Так...

Мара издаёт низкий, чуть уловимый в вибрации двигателя машины звук и нахмуренно отворачивает лицо, словно прислушиваясь.

– Я вижу твою форму, твоё тело, твою плотность, твои движения... Каждую твою родинку, шрам, морщинку, любой сосуд на любом из твоих органов.

– Как летучая мышь?!

– Да. Эхолокация. А ещё так...

Неожиданно берёт меня за руку, и я почему-то начинаю оглядываться на окна.

– Так тоже, да... – отпускает она мою руку.

Я ещё не переварил эхолокацию и не совсем понимаю её последний жест. Нет, я слышал, конечно, что у некоторых людей есть к этому врождённая чувствительность, и это можно развивать. Но настолько, чтобы ориентироваться, как с обычным зрением?... Сомневаюсь! А у Мары не возникает проблем с ориентацией!

И вообще, ощущение такое, что она просто играет со мной. А на самом деле вполне себе зряча. Фантазии у неё не уступают чувству юмора. Ладно, мне не принципиально, как именно она видит. Мне надо, чтобы она увидела для меня искомого человека любым из своих способов.

Такси тормозит. Расплачиваюсь. Беру двухместный номер. Заказываю нам роскошный ужин с бутылочкой вина из ближайшего ресторана.

– Присоединишься? – наливаю ей бокал. – Это повкуснее твоих мухоморов.

– Это как посмотреть.

Но бокал берёт.

– Рассказывай, Серый.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В переводе с алтайского «переход через порог».

Купить: https://tellnovel.com/ru/ram_yanka/shamanka-mesto-ryadom-so-mnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)